

На границе Сун и Ляо эти две повозки изменились до неузнаваемости. Молодой человек, притворявшийся служащим Приказа серебряных ассигнаций, на самом деле оказался родным сыном Цяо Цзю. Перевоплотившись, Цяо Цзю превратился в купца из Цзяннаня, торгующего чаем, Тан Шэнь со спутниками стали его компаньонами-торговцами, а Лу Шэнь и остальные военачальники преобразились в сопровождающих охрану мастеров боевых искусств. Взятки и жалованье, спрятанные в повозках, приняли вид тюков с чаем.

Добравшись до границы, Цяо Цзю предъявил заранее подготовленное разрешение из управы Ючжоу, благополучно прошел досмотр и въехал на территорию Государства Ляо.

Поначалу земли Ляо ничем не отличались от Великой Сун: повсюду встречались городки, трактиры и харчевни. Но стоит продвинуться дальше в глубь страны, как города попадались все реже, а вдоль дорог раскинулись кочующие племена. Возле каждого небольшого городка путники останавливались, чтобы пополнить запасы.

Тут, правда, кролось одно противоположное наблюдение.

Едва Тан Шэнь переступил границу Государства Ляо, на самой меже местные жители провожали их свирепыми взглядами, словно заядлых врагов. Но чем глубже они проникали в страну, тем меньше враждебности проявляли ляосцы, никогда не видевшие войны между Сун и Ляо. Впрочем, они ничуть не скрывали высокомерного пренебрежения во взглядах и поступках.

Превозмогая пыльные бури и ветры, на шестой день путешествия отряд, покрытый дорожной пылью, наконец добрался до управы Сицзинь в Государстве Ляо.

У городских ворот Цяо Цзю угодливо сгибался в три погибели, суя деньги жадным ляоским стражникам. Тан Шэнь стоял перед величественной и высоченной управой Сицзинь, медленно поднимая голову. Взирая на два крупных иероглифа «Сицзинь» над воротами, он замер в глубоком смятении, долго не в силах прийти в себя.

— Молодой господин, вы что-то заметили?

Тан Шэнь повернул голову. Заговорившим был сын Цяо Цзю. Однако в этой торговой караванной группе сын Цяо Цзю исполнял роль слуги, а Тан Шэнь выдавал себя за сына Цяо Цзю.

Сунские купцы, прибывая в Ляо, обычно закутывались в грубую холстину, чтобы спастись от песка и ветра.

Лицо Тан Шэня закрывал бурый холст, оставляя открытыми лишь глаза. Он кивнул и, указав пальцем на два иероглифа на воротах управы Сицзинь, сказал:

— А ведь красиво написано. И к тому же ханскими иероглифами.

Цяо Син ответил:

— Наньцзин раньше не звался управой Сицзинь. Лет десять с лишним назад принц Великий учитель Государства Ляо сменил название, и эти два иероглифа, говорят, тоже выведены его рукой. — Он понизил голос и шепнул на ухо Тан Шэню: — Господину по душе каллиграфия принца Великого учителя Ляо? Достать его каллиграфическую работу вполне возможно. Если пожелаете, я могу устроить.

Тан Шэнь тихо усмехнулся.

Ляосцы едят ханские иероглифы... Да насколько бы красивыми они ни казались, разве сравнятся с настоящим мастерством?

Почерк у этого принца Великого учителя Ляо был неплох, но находился примерно на уровне самого Тан Шэня. А по сравнению с Фу Вэем или Ван Чжэнем — детские каракули, не более.

Цяо Син понял, что льстил невпопад, и больше не ронял ни слова.

Заплатив три тугих кошелька, Цяо Цзю наконец досыта накормил алчных ляоских стражников. Впрочем, решать вопросы деньгами всегда удобно: солдаты без лишних допросов с легкостью пропустили их в город.

Войдя в управу Сицзинь, спутники остановились в постоялом дворе, о котором Цяо Цзю позаботился заранее.

Тан Шэнь стоял у окна, глядя сверху на управу Сицзинь. Слуга, собиравший его вещи позади, не понимал, куда устремлен взор его господина. Но Тан Шэнь знал: перед его глазами лежала вовсе не Сицзинь, а невероятно пышный и процветающий Пекин из будущего, разделенный с ним целой тысячей лет!

Именно так: Наньцзинь управа Сицзинь в Государстве Ляо — это и есть Пекин тысячелетие спустя.

Государство Ляо представляло собой в основном союз племен, и крупных городов на его землях насчитывалось немного. Важнейшими являлись Пять столиц: управа Линьхуан, управа Дадин, управа Ляоян, управа Датун и управа Сицзинь. Управа Линьхуан считалась Верховной столицей и главной резиденцией правителя, а остальные четыре — сопровождающими столицами.

Оказавшись в управе Сицзинь, Тан Шэнь испытывал бурю смешанных чувств. При этом он даже не догадывался, станет ли земля под его ногами через тысячу лет тем самым Пекином из его воспоминаний.

Зажмурившись, он тяжело вздохнул и спросил:

— Как успехи у Цяо Цзю?

Этот слуга тоже был в курсе дела — как говорили, доверенное лицо Цяо Цзю. Он ответил:

— Хозяин обо всем позаботился. Нынче уже поздно, так что он просит господина отдохнуть. А завтра мы отправимся по ляоским торговым лавкам и купеческим гильдиям пробивать дорогу.

Тан Шэнь кивнул. Едва слуга вышел, он задул свечу, и комната погрузилась в непроглядную тьму.

В это же время за тысячи ли от них, в городе Шэнцзин, в Резиденции Министра финансов...

Ван Чжэнь вернулся из императорского дворца. Сегодня император призвал его на Террасу Восхождения к Бессмертным и беседовал с ним больше часа.

С тех пор как умерла Вдовствующая императрица, а Чжао Фу перенес тяжелый вред здоровью и болезни, характер государя невольно изменился. Тан Шэнь пребывал в Ючжоу и не знал об

этом, но Ван Чжэнь ощущал перемены острее всех. Вернувшись из дворца, Ван Чжэнь развел руки, позволяя слуге-послушнику разоблачить его. В этот миг управляющий постучал и вошел с письмом в руках:

— Господин, пришло письмо из Ючжоу.

Брови Ван Чжэня едва заметно дрогнули, а голос прозвучал чисто и изысканно:

— От Цзинцзэ?

— Так точно.

Уголки губ Ван Чжэня невольно поползли вверх. Он тихо сказал:

— Переодеваться пока не стану. Ступай.

Слуга тихим голосом отозвался согласием.

Ван Чжэнь так и остался в полуснятом одеянии, ничуть не заботясь о том, насколько его вид соответствует величию и выправке молодого господина из знатного клана. Он подошел к управляющему и взял письмо. Длинные изящные пальцы коснулись лицевой стороны конверта. Ван Чжэнь на мгновение замер, разглядывая надпись «Старшему брату-наставнику лично в руки», а затем вскрыл его.

Однако едва прочитав первую же строку, Ван Чжэнь внезапно рассмеялся и надолго застыл в изумлении.

В самом начале письма Тан Шэнь почерком, точь-в-точь повторяющим каллиграфию самого Ван Чжэня, начертал:

«С глубочайшим почтением к старшему брату-наставнику!

С нижайшим поклоном о здравии и благополучии...»

Ван Чжэнь не стал читать дальше. Он задумчивым, глубоким взором всматривался в эти две начальные строки. Спустя долгое время он повернул голову и с мягкой улыбкой спросил управляющего:

— В Клане Ван из Ланъя ты ведь тоже много учился и читал. Скажи, не ошибаюсь ли я? Разве обращения «с почтением» и «с нижайшим поклоном о здравии» в письмах употребляются не по отношению к родителям?

Управляющий не совсем понимал подвоха, но честно ответил:

— Отвечая господину: да, именно так.

Иными словами: вы не ошиблись, эти слова служат для обращения детей к своим отцу и матери.

Ван Чжэнь неспешно улыбнулся. Он слегка помахал письмом в руке:

— Послание моего сына стоит изучить с особым вниманием. Ты можешь идти.

Автор хочет сказать:

Малыш Тан: «Папа-а~ Я ведь твой самый любимый ребеночек?»

Сосед старик Ван: «Послушный мой, и где же ты хочешь, чтобы папочка проявил к тебе свою любовь? [улыбается]»

Судя по расчетам Тан Шэня, к тому времени, как он прибыл в управу Сицзинь, письмо как раз должно было дойти до рук Ван Чжэня.

Вообще-то с нарочным курьером письмо могло дойти за четыре дня, но Тан Шэнь рассчитал на шесть. Лишь потому, что теперь он находился аж в управе Сицзинь: даже если Ван Чжэнь прочтет письмо и рассердится или решит черкнуть пару строчек с нагоняем, Тан Шэнь будет далеко за пределами досягаемости и ничего не получит.

Именно так: он написал это нарочно!

Разве только Ван Цзыфэну позволено разыгрывать «мать, что печется об уехавшем далече сыне», а ему, Тан Цзинцзэ, запрещено вести себя в духе «почитаю старшего брата-наставника как родного отца»?

Тан Шэнь подумал: «Интересно, рассвирепеет ли Ван Цзыфэн?»

Но если размыслить как следует, злиться он вряд ли станет.

С великодушием и выдержкой его старшего брата-наставника, даже если тот действительно затаит злобу, наружу этого не покажет, а аккуратно сохранит в памяти. И вот когда он вернется в Шэнцзин, старший брат, возможно, устроит ему взбучку. Впрочем, об этом можно будет подумать потом. Тан Шэню было все равно: выказать подколку старшему брату-наставнику уже само по себе принесло ему неопишное удовольствие и бодрость духа.

Прибыв в управу Сицзинь, Тан Шэнь не стал лично выходить в свет и заниматься делами. Большую часть поручений он переложил на плечи Цяо Цзю.

Цяо Цзю являлся подчиненным Ван Чжэня. Хотя виделся он с Ван Чжэнем всего пару раз, то, что тот доверил ему столь важное дело, доказывало его незаурядную хватку. Всего за три дня он умудрился познакомиться в управе Сицзинь с несколькими ляоскими купцами, скупавшими чай, и слегка затесался в торгово-промышленные круги города.

В Государстве Ляо простой люд не имел фамилий. Если кто-то не из знати желал получить фамилию, ее должен был даровать благородный дворянин.

У знатных ляосцев существовало всего две фамилии: Елюй и Сяо.

Поздней ночью в покоях постоянного двора Цяо Цзю вполголоса докладывал Тан Шэню:

— Господин, из трех купцов-ляосцев, с которыми я сошелся, одного зовут Сяо Люй, другого — Елюй Цзи, а третьему фамилию еще не даровали. Возможно, вам неизвестно, но род Елюй во всем Государстве Ляо удерживает императорскую власть и обладает величайшим могуществом, а из рода Сяо традиционно берут императриц. Каждая ляоская императрица непременно носит фамилию Сяо. Почти везде властвуют представители Елюй, однако управа Сицзинь — исключение. Сицзинь граничит с нашей Великой Сун, здесь сильно влияние ханских обычаев, да и администрация Южного аппарата чиновников расположена именно тут.

Тан Шэнь проговорил:

— Об этом мне известно.

Цяо Цзю смущенно произнес:

— Это я превысил свои полномочия и сболтнул лишнее. Господин обладает дальновидностью и мудростью, разве такие мелочи укроются от вашего зоркого взора?

Тан Шэнь окинул Цяо Цзю недолгим взглядом.

<http://bllate.org/book/18292/1757353>